

Л.Д. Шагдаров

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ц. ДОНА

Выдающийся бурятский писатель Цыденжап Дондупович Дондубон (псевдоним Ц. Дон) считается новатором бурятской литературы, сыграв существенную роль в утверждении в национальной художественной литературе реалистического метода и стиля.

Ц. Дон родился в 1905 г. в улусе Аяга Бодонгутского сомона Бичурского аймака. В 1911 г. он поступил в Ново-Никольское двухклассное училище и успешно закончил его в 1916 г. Собственно говоря, этим ограничилось его систематическое образование.

Еще в дошкольный период, в раннем детстве, Цыденжап научился азам старомонгольской письменности у местного грамотея старика Бадмы Дамбаева. В Ново-Никольском училище он продолжал обучаться старомонгольскому языку, который преподавал учитель А.С. Санжиев. Во втором классе обучение проводилось на русском языке. Таким образом, во время учебы в училище Цыденжап довольно хорошо овладел старомонгольской письменностью и русским языком.

Пятнадцатилетним юношей Цыденжап начал свою общественную деятельность. В 1920 г. он работал в составе комиссии по учету скота, в 1921 г. был избран членом ревкома Бодонгутского сомонного Совета, а в 1922 г. стал членом этого Совета. В 1923 г. вступил в ряды ВЛКСМ, работал секретарем комсомольской ячейки. В 1924 г. был избран членом президиума Гучитского хошунного исполкома и в течение трех лет работал заместителем председателя хошунного исполкома. В 1925 г. Дондубон стал членом партии. Закончив двухмесячные курсы руководящих работников, в 1927 г. был назначен заместителем председателя исполкома Мухор-Шибирского аймака.

С 1925 г. он стал сотрудничать в газетах "Бурят-Монголун унэн", "Залуу малчин". Уже первые его корреспонденции обра-

тили на себя внимание своей актуальностью, точностью и яркостью изложения. В 1928 г. он был назначен секретарем редакции газеты "Бурят-Монголун унэн", затем заведующим сельскохозяйственным отделом, а впоследствии заместителем редактора. В 1930 г. он стал ответственным редактором этой газеты.

В газете "Бурят-Монголун унэн", в журнале "Тэмсэлун чимэг" и в других изданиях того времени им было опубликовано большое количество статей по вопросам просвещения и культуры бурятского народа. Вместе с писателями Х. Намсараевым, Б. Абидуевым, Д. Дашинамаевым Ц. Дон основал в газете сатирический уголок "Алсагар Мархай", пользовавшийся огромной популярностью среди народа. Для этого уголка Ц. Дон написал много фельетонов. В эти годы Ц. Дон много ездил по республике и видел огромные перемены, происходившие в жизни своего народа.

В 1930 г. был опубликован первый рассказ Ц. Дона "Шуһата худалга" (Кровавая расправа), в 1931 г. - второй его рассказ "Хэрэг бүтэбэ" (Дело сделано). Если первый его рассказ был несовершенным, во многом носил иллюстративный характер, то во втором рассказе уже чувствуются возросшее мастерство писателя, его несомненная одаренность. В 1932 г. им была опубликована повесть "Хиртээн Һара" (Луна в затмении), ставшая крупным событием в бурятской литературе того времени. Вторая его крупная повесть "Брынзын санха" (Отрава от брынзы), опубликованная в 1935 г., получила высокую оценку читателей и критиков и вошла в золотой фонд бурятской литературы. Все произведения Ц. Дона посвящены самым актуальным для своего времени темам, написаны по горячим следам происходивших в то время событий. Последний рассказ Ц. Дона "Лодырийн зуудэн" (Сон лодыря) был опубликован в 1934 г.

Ц. Дон являлся, безусловно, талантливым писателем. В течение семи лет (с 1930 г. по 1937 г.) он создал две замечательные повести, утраченный ныне роман "Тужа соо" (В тайге), несколько рассказов и мастерски обработал улигер "Убгэн Жэбжэнэй мэргэн" (Жэбжэнэй-мэргэн).

Ц. Дон обладал ярко выраженным индивидуальным стилем. Прекрасно владея языком, писатель создает колоритную авторскую речь и мастерски индивидуализирует речь персонажей. Авторская речь Ц. Дона - это образец изящной литературной речи на бурятском языке. Ц. Дон совершил реформу в бурятской художест-

венной литературе и языке. Для многих произведений, которые были написаны до Ц. Дона, были характерны длинноты, словесные красоты, рыхлость сюжетно-композиционного построения. Тогда как произведениям Ц. Дона присущи "лаконичность и емкость фраз, выразительные диалоги, наглядность описаний, достигнутая несколькими штрихами, четкая и ясная авторская позиция, стремление к психологической характеристике героев, динамичность сюжета, острая конфликтность произведений"¹.

По вопросу о том, что такое индивидуальный стиль писателя, из каких признаков он складывается, существуют различные точки зрения. Лингвисты придерживаются в основном той точки зрения, что индивидуальный стиль писателя - это система определенного использования языковых средств. Литературоведы добавляют, что стиль писателя - это определенный способ мыслить образами, в стиле писателя выражается его взгляд на людей и жизнь. В своем произведении автор может не дать авторского комментария, однако в стиле этого рассказа с полной ясностью будет выражен личный взгляд писателя на жизнь, события и на людей, описанных в нем. Однако несомненно, что все те компоненты и элементы, из которых складывается индивидуальный стиль писателя, прежде всего выражаются в языке его произведений. В этой связи В.В. Виноградов пишет: "Используя общий литературный язык, его стили для художественного, научного или публицистического творчества, писатель вырабатывает свой индивидуальный стиль с присущими ему устойчивыми приемами фразеологического оформления тех или иных мыслей, с индивидуализированной системой образов, с более или менее последовательным употреблением тех или иных конструктивных принципов литературного синтаксиса, с определенными приемами отбора лексики и фразеологии"².

Если писатель действительно обладает своим стилем, то мы даже по небольшому отрывку из его произведения можем определить его авторство. Мы узнаем писателя прежде всего по характерной для него интонации, по его голосу, по тону его произведений. Интонационно-мелодическая сторона речи, тон, общее звучание произведения, несомненно, составляют один из важнейших компонентов индивидуального стиля писателя, выражая прежде всего отношение говорящего к предмету высказывания, его эмоции. Экспрессивная интонация передает самые сложные эмоции,

оттенки чувств. Материальным выразителем интонации в письменной речи выступают наиболее излюбленные автором синтаксические конструкции, а также средняя длина и сложность фразы.

Для авторской речи Ц. Дона типичны короткие, неусложненные, описательно-повествовательные предложения. Действие в его произведениях развивается быстро, и поэтому преобладают сказуемые, выраженные глаголами изъявительного наклонения, особенно формой глагола настоящего времени на -на.

В народно-разговорной речи форма настоящего времени с суффиксом -на без вспомогательного глагола употребляется обычно в тех случаях, когда говорящий является очевидцем рассказываемых событий. Ц. Дон в своей авторской речи в основном употребляет эту форму. Он как бы незримо следит за действиями и поступками героев, постоянно находясь рядом с ними и рассказывая о них:

"Гомбын хамаг бэе агзайжа хушээн, толгойнь бага зэргэ үбдэжэ, халуурһан янзатай байна. Тиигэбэшье ябахаяя яаража, мэгдүүгээр тухээрнэ. Зүгөөр гэрэйнэ эзэнэй һамган Гомбодо сай шанаха, хоол хэхэ гэжэ унинэй забдаһан шэнги аад, сайнь бусалжа үгэнэгүй хэбэртэй, удаан болоно. Гомбо сайн болохые хулеэжэ ядахадаа, тэсэжэ байжа ядана. Гэр соогуур ишэ тишэзэ гэшхэлнэ, сонходошье ошоод зогсоно. Гэрэйнэ эзэн эхэнэршье һанаагаа зобьон янзатай тулгэнэ, хирэ хирэ болоод лэ, самовараа тэбдүүгээр үлээнэ. Зорюта гасаһан шэнги, самоварынь шииганаад бусалнагүй" (Санха, с. 133) – "Гомбо казалось, что все тело его одревенело, немного болела голова, видимо, поднялась температура. Несмотря на это, он хотел уехать, торопливо собирался. Но хозяйка дома как будто давно собралась сварить чай, приготовить еду для него, но чай долго не вскипал, и она медлила. Гомбо с нетерпением ждал, когда закипит чай, не находил себе места. Он ходил из угла в угол, подходил к окну. Хозяйка дома тоже казалась озабоченной, суетилась, время от времени торопливо раздувала самовар. Но самовар только шипел и не вскипал, как будто нарочно делал наперекор".

В авторской речи Ц. Дон употребляет также в качестве конечных сказуемых форму прошедшего времени на -са, особенно когда действия главного героя прерываются действиями других лиц или говорится о быстро закончившихся или чередующихся действиях. Говоря о давно прошедших действиях, он использует форму на -аа:

"Тийгэээр байтарнь, удн хоолой забнар болобо гэжэ тээрмын гудок хонгөогоор дохеолбо. Удангуй, гурилай тоонондо буурал болошофон тужуркатай, гэрэйнэ эзэн хооллохоёо хүрэжэ ерэбэ. Тэрэнэ Гомбын хуушанай танил хүн байгаа. Тэдэ хоёр улаан сэрэгэй албанда сугтаа хоёр жэлдэ ябахатаа танилсаан байгаа ха" (Санха, с. 133) - "Тем временем, извещая об обеденном перерыве, на мельнице звонко прогудел гудок. Вскоре на обед пришел хозяин дома. Тужурка его была серой от мучной пыли. Он был давним приятелем Гомбы. Они два года вместе прослужили в Красной Армии и познакомились там".

Повторение изъяснительных форм с суффиксом -на, -ба, особенно формы настоящего времени, при общей краткости предложений создает очень динамичный и в то же время плавный ритм повествования. Основой ритма Ц. Дона являются, таким образом, глагольные сказуемые. Иногда предложения состоят из одних сказуемых: "Гомбо иишэ тиишээ эрэн ыарабшалан хараашалба. Яашье харагданагуй. Шагнана. Юуше дуулданагуй" (Санха, с. 113) - "Гомбо, приложив руку к глазам, озирался кругом. Ничего не было видно. Прислушался. Ничего не слышно".

Ритмичности повествования Ц. Дона способствуют синтагматическое деление речи на равнословные отрезки, их симметричное расположение. Эти речевые звенья часто скреплены аллитерацией: "Урдань паар мори хултээн далитай задагай шаргада (3 слова), дахатай гурбан хун (3 слова) - нэгэниинь урагшаа (2 слова), хоёрын хойшоо (2 слова), хаража ыуунхай (2 слова), татажа ябаан тамкинайн галнууд (4 слова), хоёр улаан нүдэн шэнги (4 слова), ялаг-ялаг гэжэ харагдана" (3 слова) - "Впереди него на открытых санях с крыльями, в которые впряжена пара лошадей, трое в дохах: сидят - один лицом вперед, двое других - назад. Огоньки их папирос мелькают, как два красных волчьих глаза"; "Уйтан конторо соо ами бутэхөөр (5 слов): тэндэ бэшэгэй машина хангирна (4 слова), тэндэ счето наярна (3 слова), хунууд шанга шангаар хөөрэлдэнэ" (Санха, с. 165) - "В тесной конторе задохнуться можно: там стучит пишущая машинка, там шелкают на счетах, люди громко переговариваются".

Такое членение речи на более или менее равнословные отрезки, соединение их посредством аллитерации, при соответствующем лексическом наполнении, вносит в повествование интонации народной песни: "Гуйлтэ, гуйлтэ, Губөөтын тала барагдахашье юм

бэшэ. Шарга дээрэхи хунууд шагнаар дуулалдажа эжилбэ" (Санха, с. II3) – "Скачи, скачи, а степям Губоты конца, края нет. Люди на саях начали громко петь".

Ритмичность с четкими паузами между повторяющимися частями обнаруживается и при употреблении автором номинативных предложений, к которым присоединяется предложение с трагическим обобщающим значением. Такое сочетание разнотипных предложений приводит к созданию яркого образного рисунка: "Танигдаагуй газар, харанхы хагсуутай нуни, шуургэн намдаха найдабаригуй, гансаараа хосорьон Гомбын дотор сүхэрхэ сэдхэл түрэжэ эжилбэ" (Санха, с. II3) – "Незнакомая местность, ненастная темная ночь, нет надежды, что буря утихнет, в душе одиноко затерявшегося Гомбо начало зарождаться отчаяние".

Ритм ощущается также при употреблении автором парных однородных членов с обобщающими словами: "Ажал худэлмэринь, гэр байрань, намга булэнэрынь, ойрын таниха хунуудынь, Гамаа, Должон – булта нүдэндэнь харагдажа байьандал тодоор ханагдана" (Санха, с. II4) – "Он ясно представил, как будто увидел перед собой работу свою, дом и постройки, жену и домашних, близких знакомых, Гамау и Должон".

Ритмичности авторской речи Ц. Дона способствуют однотипные динамические развернутые определения, завершающиеся формой причастия прошедшего времени, особенно от вспомогательных глаголов – болохо 'становиться', байха 'быть', ябах 'ходить', хууха 'сидеть', ерэхэ 'прийти' и др.: "Саха сэнгээр хушагдажа, сагаан болошоён тарган боро морининь" – "Его жирная серая лошадь, ставшая белой от инея и снега"; "Мэнэгэр улаан болошоён зунэтэй Гомбо" – "Гомбо, лицо которого стало багрово-красным"; "Бодолгодо хатажа, уруу дуруу болоён Должон" – "Должон, задумавшаяся и расстроившаяся"; "Гэнтэ ехээр баярландаа хухишоод байьан Гомбо" – "Гомбо, повеселевший от неожиданной радости"; "Унөөхи чэгтээ гарьень табуулжа шадангуй байшаан Нимгэр" – "Нимгэр, не сумевший получить подпись на том чеке"; "Хушуу холбон ульгамаар хатаржа ябаан хоёр морин" – "Две лошади, которые дружно и быстро бежали рядом друг с другом"; "Яаран мэгдэн ябаан Базар" – "Спеша работавший Базар"; "Бээс барижа хууан Маланов" – "Маланов, сидевший сдерживая себя"; "Углөөгүүр эртэлжэ ерэнэн Балжаа" – "Балжаа, прибывшая рано утром" и т.д.

В вышеописанных случаях наблюдаем вторжение элементов устной поэзии в прозу писателя, что оказывает влияние на все элементы повествования — ритм, язык, образный строй и интонацию. Это придает несколько стихотворный характер повествованию, что типично для прозы Х. Намсараева. Некоторые усматривают в этом определенный недостаток, считают, что в таких случаях он сближается на фольклористичный традиционный стиль. Нам же представляется, что такие вкрапления естественно вписываются в структуру прозаической речи Ц. Дона, усиливают ее поэтичность и общий оптимистический тон. Ритмический строй, тональность звучания прозаических произведений Ц. Дона тесно связаны с характером синтаксических конструкций, расстановкой слов и синтагм в предложении. Преимущественно короткие предложения, более или менее одинаковые по длине, часто с равнословным внутренним членением, оканчивающиеся в большинстве случаев изящными формами настоящего времени глагола, ритмическая организация многих фраз создают своеобразный и в то же время очень естественный светло-мажорный тон повествования Ц. Дона, являющийся существенной отличительной чертой индивидуального стиля этого писателя.

Необходимо также отметить, что в авторской речи Ц. Дона очень мало модальных и предикативных частиц (он, аал, алтай, ха юм лэ, аабза, аабн, бэзэ, хаяа, хаям, ошэгуу, ошуу и др.), придающих высказыванию различные оттенки субъективного характера, выражающих отношение автора к описанным фактам (сомнение, отрицание, утверждение, экспрессивно-усилительные оттенки высказывания).

Длинные развернутые предложения, с включением множества причастных и деепричастных оборотов, с подробным описанием предметов и их признаков, действий и событий, делающие темп речи замедленным, у Ц. Дона встречаются сравнительно редко.

Ц. Дон, стремительно и четко развивая сюжетную линию, не задерживает внимание читателя на длинных описаниях. Основную нагрузку у него несут сказуемые, часто сказуемые выделяются из предложения, иногда подряд следует несколько сказуемых: "Суглархан зон хөөрэлдэнэ, тамхи татанад... Залуушуул энээлдэнэ, шууялдана, нууря буляалдана, урдаа нуутшынгаа шэхэ няална, тийгэжэ байтараа хэрэлдэншье алдана" (нара, с. 52) — "Собравшиеся переговаривались между собой, курили... Молодые смея-

лись, шумели, старались столкнуть с места соседей, щелкали по ушам впереди сидящих, иногда даже ссорились"; "Янжима гаргаха гэдэг бурхан торхо хоероошье мартажархиан, багашуулай зангаар эжы абадаа эрхэлэн татажа байгаад, эдээлнэ, хубсална, тухеэрнэ" (Һара, с. 34) – "Янжима давно уж забыла, что хотела вынести из избы божницу и кадку, и, по-детски ласкаясь к матери и отцу, кушала, одевалась, собиралась".

Хотя в целом у Ц. Дона действие, динамика преобладают над описанием, предложения по размеру в общем-то краткие, типичным для синтаксиса языка его произведений является тяготение к распространенным по своему составу предложениям, в которых особенно много деепричастных оборотов, изредка употребляются и причастные обороты: "Дары поездые ябадалаа аалидхаанар намдуулжа, хотын станции томо шулуун вокзал тушаа ерээд, түр-нир гэжэ тогтобо" (Санха, с. 207) – "Тотчас поезд постепенно замедлил ход и с грохотом и лязгом остановился напротив большого каменного здания городского вокзала".

Наряду с этим Ц. Дон употребляет и неполные предложения. Когда об одном и том же предмете говорится в двух и более предложениях, Ц. Дон указывает подлежащее лишь в первом из них, в остальных оно отсутствует: "Гэнтэ нэгэ юумэ Һанань шэнги, ҺууриҺаа Должон яаралтай бодожо, шкафаа нээгээд, бэдэржэ бэдэржэ, бишыхан улаан хабтаҺатай ном гаргаба. Лампынгаа хажууда ерэжэ, аман соогоо уншажа эхилнэ. Харандааш гаргажа, номойнгоо хубеедэ думуугээр тэмдэглэнэ. Тиигэжэ байтараа, нэгэ хуушарҺан блокнот гаргаад, ном сооҺоон юушьеб буулган тэмдэглэн бэшэнэ.

Тиигээд тэрэнэе хинан харахадань, зариманиинь бури танигдахаар бэшэ шахуу алдуутай, балар муугаар бэшэгдэҺэн байба.

Өөрийн гөө бэшэе уншажа үзөөд, удхыень гүйсэд ойлгожо яданын хэбэртэй, удаан бодолгото болон Һууна. Саашань номоо ирана" (Санха, с. 97) – "Как будто что-то вспомнив, Должон торпливо встала с места, открыла шкаф, что-то долго искала и, наконец, вытащила небольшую книжку в красной обложке. Подойдя к лампе, начала читать про себя. Вытащив карандаш, делала аккуратные пометы на полях книги. Затем вынула потрепанный блокнот и делала в нем какие-то записи из книги.

И когда она просматривала записанное, некоторые слова были написаны неразборчиво, с ошибками.

Прочитав свои записи, не могла в них разобраться, долго сидела в задумчивости. Дальше листала книгу".

В повествовании Ц. Дона лицо, о котором идет речь во многих предложениях, может быть названо лишь в первом предложении, в остальных — оно лишь подразумевается. А подлежащее в этих предложениях может быть разным. Например, в 6-й главе повести "Отрава от брынзы" Ц. Дон говорит о старшине Дылыке. После ряда довольно развернутых предложений имя Дылыка появляется в предложении, в котором оно выступает в качестве субъекта причастного оборота: "Эдэндэ дураа гутажа, Дэлэг бухгалтерай толгой дэлбэрэн алдана" (Санха, с.165) — "У бухгалтера Дылыка, который был раздосадован ими, сердит на них, чуть не раскалывалась голова". Далее на полутора страницах лишь один раз упоминается его имя, хотя речь все время идет о нем. И все его действия и мысли представлены сказуемыми, главным образом, глагольными.

В то же время для синтаксиса произведений Ц. Дона характерно наличие разных типов сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, всегда осложненных оборотами, чаще всего деепричастными, а также обособленными определениями, вводными и однородными словами и т.д. Как отмечает Г.Ц. Пюрбеев, из сложносочиненных предложений соединительного типа по широте распространения ведущее место занимают соединительно-распространительные предложения, в которых в качестве связующих слов выступают указательные местоимения энэ 'этот', тэрэ 'тот', эдэ 'эти', тэдэ 'те', их падежные формы (энээнние, тэрээнние, эдэнэй, тэдэнэй и т.д.), а также сочетания форм указательных местоимений с послелогоми (энэ мэтэ, энэ мэтээр, тэрэ мэтэ, тэрэ мэтээр, энэ тухай, тэрэ тухай, энээн дээрээ, тэрээн дээрээ, тэды шэнги, тэды мэтэ, тэрэшэлэн, энэшэлэн и т.д.)

Сложносочиненные предложения состоят обычно из двух частей, а союзное слово, как правило, стоит в начале второй части. В этих предложениях последующая часть, соединяясь с предшествующей с помощью указательных местоименных слов и сочетаний, служит естественным продолжением сообщения. Указательные местоименные слова и сочетания, выполняя роль связующих средств, должны обязательно соотноситься с каким-нибудь членом предшествующей части и функционально замещать его в последующем предложении.

Сложносочиненные предложения такого типа получили большое распространение в бурятском литературном языке в последние десятилетия, особенно под влиянием русского языка. Поэтому у Ц. Дона, который творил на начальном этапе формирования бурятского литературного языка, очень мало предложений такого типа. Для языка его произведений характерны сложносочиненные предложения, лишённые связующих слов, в частности союзов и союзных слов. Конструкции, которые обычно используются в качестве компонентов таких предложений, в большинстве случаев выделены в самостоятельные предложения. Причем почти не употребляются местоименные слова в именительном падеже. Если они изредка и употребляются, то преимущественно в косвенных падежах: "Хумбаа Дагба айхабтар эдэбхитэй хүн янзатай ороно, гарана, иишэ тиишээ солбон хунгэнөөр гуйнэ. Ябууд дундаа Должон тээшэ хулгай нүдөөрөө хаража, шүдэнэй сагаагаар миьэд гэнэ. Тиихэдэнь Должоной хорониинь бусалжа, багтахаяа болино. Ухаа бодолынь худхалдан төөрижэ, иихэдээ юун боложо байна гээшэб гэжэ гайхана, гутаана. Үе үе нүдэньөөнь гашуудалтай нелбоюн мэл-мэл дуньалжа, аргааханаар уйлана" (Санха, с. 164) – "Хумба Дагба с видом чрезвычайно активного человека входил, выходил, проворно пробежал туда-сюда. На ходу искоса поглядывал на Должон и ухмылялся, показывая белые зубы. В такие моменты в душе Должон вскипал гнев, и сердце ее чуть не разрывалось. Мысли ее мешались, иногда она недоумевала, удивляясь происходящему, расстраивалась. Временами из ее глаз капали горячие слезы, и она тихонько плакала".

Такого рода как бы расчлененные бессоюзные сложные предложения сочинительного типа особенно часто употребляются Ц. Доном со значением одновременности. Они характеризуются единым временным планом, употреблением глагольных сказуемых в форме какого-либо одного времени, чаще всего настоящего: "Хүн бүхэн доро дороо гайхаан тагнаан янзатай ябанад. Ажал хүдэлмэрингөө забһараар бэе бэеьээ асууна. Бултадаа нэгэ юрэ бусын һонин юумэ хүлээн хэбэртэй, бэе бэеьнгээ ама харан ажаглана" (Санха, с. 203) – "Каждый ходил как будто чем-то удивленный. Между делом что-то спрашивали друг друга. Все, казалось, ожидали что-то необычное: прислушивались друг к другу".

Со значением одновременности используются и предикативные комплексы, в которых в качестве сказуемых, наряду с глагольными

ми, употребляются и именные формы. Обычно такие комплексы объединены в одном сложном предложении: "Хужартын коммунын улаан булан дотор зон дуурэн, хухэ манан болотор тамхи тата-жархиһан байба" (Һара, с. 52) - "В красном уголке Хужиртуйской коммуны было полно народу, табачный дым заволакивал помещение".

Ц. Дон часто употребляет сложносочиненные предложения открытой структуры. В них наблюдаются одинаковое грамматическое оформление сказуемых, лексический параллелизм и симметричность компонентов сложного предложения, одинаковый характер построения частей, их ритмико-интонационный параллелизм: "Худэлмэридөө эсээн алжааһан уһэшэд элдэб кумэ һанан һанан ярилдажа, галай хажуугаар зариманиинь гонзойлдожо хэбтэнэ, зариманиинь хэсылдэн, бэе бэеэ түшэн, һажахаа һанажа һуунад, зариманиинь отог дотороо дэрэ дэбисхэрээ заһажа, һуудэггэшэлдэн худэлнэ" (Һара, с. 42) - "Уставшие от работы косари переговаривались между собой, некоторые из них, растянувшись, лежали возле костра, некоторые, опершись друг на друга, полулежали, чуть не засыпая, некоторые внутри балагана, готовя постель, двигались, мельтешили".

Иногда употребляются бессоюзные сложные предложения подчинительного типа, первая часть которых требует раскрытия, пояснения во второй: "Убэлэй һуниин хүйтэн ханхинама шанга: гүйлгэлдэжэ ябаан хунуудэй хамарай үзүүр, хасар шэмшэрүүлэн хайража, хоротойгоор дааруулна" (Һара, с. 74) - "Мороз зимней ночи трескуч: он жег кончики носов и щеки скакавших людей".

В языке произведений Ц. Дона мало употребляется сложных конструкций, в которых между частями имеются причинно-следственные отношения и которые обычно связываются между собой посредством таких глагольно-местоименных союзов и союзных слов, как тиигээд, тиигээ һаа, тиимэ хадаа, теэшье, тиимэ дээрэһээ, тэрэ тула, ушар иимэһээ, тиимэ туладань и т.д. У Ц. Дона в таких конструкциях наблюдается опущение союзного слова: "Уйладдажа байһан хугшэн басаган хоёрынь Раднада тэгшэ хайратай - коммунаһаа гараханьшье бэрхэ, тахижа һууһан бурханаа хаяханьшье бэрхэ байба" (Һара, с. 31) - "Плакавших старуху свою и дочь одинаково жаль было ему, поэтому трудно было решиться ему уйти из коммуны или вынести божницу, которой поклонялись".

Ц. Дон довольно часто употребляет сложносочиненные предло-

жения с противительно-сопоставительным значением. Эти предложения выражают такие события, которые находятся в отношениях взаимного несоответствия и противоположности⁴. Для связи частей сложносочиненных предложений этого типа автор употребляет союзы гэбэшье, харин, зүгөөр, аад, теэд, болобошье, тиигэбэшье, а также соединяет их посредством частицы -шье: "Зүгөөр гэрэйн эзэнэй намган Гомбодо сай шанаха, хоол хэхэ гэжэ униңэй забда-хан шэнги аад, сайнь бусалжа үгэнэгуй хэбэртэй, удаан болоно" (Санха, с. 133) – "Однако хозяйка дома, казалось, давно начала варить чай, готовить еду для Гомбо, но чай не вскипал, и она медлила"; "Нохойн хусаха шэмээ намдаба, гэбэшье эндэ тэндэ ганса нэгэн нохой ьон-ьон гэжэ залхуугаар хусан алдаад болино" (Һара, с. 69) – "Лай собак стих, но там и сям одинокие собаки принимались лениво лаять и тотчас переставали".

Для синтаксиса произведений Ц. Дона характерно наличие сложноподчиненных предложений с союзами, в качестве которых выступают разнообразные формы речевого глагола гэ – "говорить": "Дулгар хугшэн яарамгай бодожо, үбгэмни ерээ ха юм гэжэ сай халаахаяа бэлэдхэнэ" (Һара, с. 23) – "Старуха Дулгар торопливо встала, подумав, что пришел муж, стала собираться подогреть чай".

Наиболее типичными являются сложные конструкции, которые объединяют разные типы предложений: "Тиигэжэ шууялдаад, эсэстээ Һалаха гэжэ шиидэньнээнэ хойшо хахад саг үнгэрөөд байхада, Раднын гэр дотор хон-жэн, харанхы байна" (Һара, с. 31) – "С того времени, когда они пошумели так и, наконец, решили развестись, прошло полчаса; в доме Радны стало тихо и темно".

В языке произведений Ц. Дона чувствуется влияние русского и старомонгольского языков: употребляются вродные слова, члены и части предложения соединяются посредством союза ба 'и': "Юрэдөөл, нэгэ талаһаа, хамтын ажалнууд, бороогой Һуулдэ ургаһан мөөгэ шэнги, гэнтэ олон тогтожо, Хужарта нотагай арад зоной олоороо орожо байхада, зоной гуримаар байха гэжэ ороһон ба, нүгөө талаһаа, худэлмэридэ дуратай, ажал хэхэ хүсэлэнтэй хун тула хамтаараа ажал хэхэдэ хабатай, улуу хүсэтэй байха гэжэ Һанажа ороһон бэлэй" (Һара, с. 27) – "В общем, с одной стороны, коллективные хозяйства вдруг стали возникать во множестве, как грибы после дождя; жители Хужарты стали массами вступать туда, и, следуя примеру всех, и он вступил, с другой стороны, он был

работящим, желал работать, поэтому он считал, что коллективно работать будет лучше, сила будет большая и вступил"; "Баа мундэр ба энэньээшье урагша хамтаараа хээн худэлмэрээ Һанаад үзэхэдэнь..." (Һара, с. 43) - "Когда он вспомнил в то же время выполненную как сегодня, так и раньше коллективную работу"; "Илангаяа коммунынгаа эмхигүй байһанда Һанаагаа зобожо ябадаг Радна үбгэн" (Һара, с. 57) - "Старик Радна, сердце которого болело при виде беспорядка в коммуне и того, что люди уходили из нее"; "Намайе гэм зэмгүй гэжэ мэдэрхэн ба артельдэ оруулһан ашнье өөрүнгөө сэхэ сэбэр ябадалаар харуулжа ёһотой байһаб" (Һара, с. 83) - "То, что меня признали невиновным и приняли в артель, я должен отплатить честным трудом и поведением". Для соединения частей предложения очень редко употребляется союз болон 'и', получивший особенно большое распространение в 60-е, 70-е гг.: "Энэ булэг зоние шэрэжэ ябаһан багажа зэбсэг болон тэргэ плугуудай хангирха жэнгирхэ абяан" (Һара, с. 80) - "Лязг и грохот механизмов, телег и плутов, на которых сидели люди".

Числительное хоёр 'два' в значении союза употребляется писателем для связи распространенных частей предложения, состоящих не только из имен, но и глагольных форм: "Нимын хээр Раднын ухаа хоёр дутэ дүтэхэн уяатай, ... гэрэй үүдэнэй нээгдэхэ хаагдаха хоёрто уурьэлдэн эрьен хаража, эзэдээ хулеэлдэн зогсоно" (Һара, с. 68) - "Гнедая лошадь Нимы и Каурка Радны, близко привязанные друг к другу, поворачивали головы при каждом открывании и закрывании двери, ждали своих хозяев"; "Дулгар коммунада орохо анханһаа дурагуй байһан болобошье, үе ургэлжэ, орон гаран, коммунада орохье иджажа байдаг Янжама басаган ба коммунада оронгуй байжа огто зохихоо болибо гэжэ ходо хэлэдэг Радна үбгэн хоёройнгоо үгье үнэндөө дабажа шадахагуй..." (Һара, с. 28) - "Хотя и Дулгар с самого начала не хотела вступить в коммуну, она на самом деле не могла не подчиниться воле дочери Янжимы, постоянно, при каждом удобном случае агитировавшей за коммуну, и старика своего Радны, который также постоянно стал говорить, что невозможно не вступить в коммуну".

Для синтаксиса произведений Ц. Дона характерно использование конструкций с однородными членами. Они способствуют общему динамизму повествования: "Ототой үүдэндэхи галые тойрожо, хооһон болоһон хара түмэр тогоонууд, уруу еедөө хараһан модон ая-

га, шанага, тулам, хорхи-хархи туйсэ, хунэг зэргын зүйлнууд эмхигүй, эндэ тэндэ дайралдаһан газартаа хэбтэнэ" (һара, с.42) – "Вокруг костра, находившегося перед балаганом, лежали в беспорядке, там и сям пустые черные железные котлы, опрокинутые деревянные чашки, поварежки, кожаные мешки, высохшие туески, ведра и тому подобное". При таких перечислениях автор обычно опускает первую часть обобщающего слова гэхэ зэргэ 'тому подобный'. Динамизм этих перечислений усиливается благодаря определением, выраженным глагольными оборотами: "Мурөө холоһон морин, дабирхай турхингуй хуурайгаар шэрээн тэргэ, таһалаад хаяжарһиһан аргамжа, хазаар гэхэ мэтэ һанагдажа ..." (һара, с. 48) – "Ему вспомнились лошади с натертыми шеями, телеги с намазанными, сухими колесами, порванные и брошенные веревки, узды и тому подобное".

Ц. Дон довольно часто прибегает к приложениям. Обычно ими обозначаются занимаемая должность, работа, род занятий героя: "Набтаршаг багжагар бэетэй Акуша, тус коммунын туруулэгшэ, столгой саана ... зогсон" (һара, с. 52) – "Небольшого роста, плотно сложенный Акуша, председатель этой коммуны, стоял за столом".

В целом синтаксический строй языка прозы Ц. Дона хорошо отработан. Он основан на разговорной речи, но в то же время не тождественен ей. В разумных пределах употребляются писателем элементы книжного стиля.

Недостатков в оформлении синтаксических конструкций у Ц. Дона очень мало. Встречаются лишь единичные случаи не совсем удачного оформления предложений и их частей. Например: "Энээнэй урда тээ, нэгэ хэдэн жэлэй үедэ, Раднын гэрэй байдалны хойто жэлдэ иимэ болоод байха юм гэжэ худалша хунэй хэлэбэл, этигэмээр бэшэ... хэрэг байгаа" (һара, с. 21) – "Если какой-нибудь вран сказал бы до этого, несколько лет тому назад, что положение в доме Радны в будущем году изменится так, никто бы не поверил ему". В этом предложении нарушена логическая, смысловая связь между оборотами "нэгэ хэдэн жэлэй үедэ" и "хойто жэлдэ", неуместно употреблено слово хэрэг 'дело', которое несколько раз использовано в предыдущих предложениях.

^I История бурятской советской литературы. – Улан-Удэ, 1967. – С. III.

² Виноградов В.В. О языке художественной литературы. - М., 1959. - С. 300-301.

³ См.: Пюрбеев Г.Ц. Типы сложных предложений в монгольских языках. - М., 1979. - С. 28-29.

⁴ См.: Пюрбеев Г.Ц. Указ. соч., с. 39.

Принятые сокращения источников

Санха - Брынзын санха (повесть)// Дон Ц. Зохеолнууд. - Улан-Удэ, 1958.

Һара - Хиртэньэн һара (повесть)// Дон Ц. Зохеолнууд. - Улан-Удэ, 1958.

-43362-

БИБЛИОТЕКА
Калмыцкого научно-исслед.
института истории, филологии
и экономики